

УДК 94(392)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-521-535

Рельефные изображения «столбовых могильников» архаической Ликии: проблема стилистического анализа и семантической интерпретации

Баранов Д.А.

Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж),
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54а
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Аннотация. Анализируется содержание рельефных изображений наиболее раннего типа монументальных гробниц, принадлежавшего ликийским царям архаического и классического времени. Дается некоторый историографический обзор разнообразных точек зрения, касающихся политической и стилистической интерпретации их иконографической программы. Рассматриваются возможные исторические и политические мотивы демонстрации отдельных элементов убранства погребальных камер столбовых могильников. Делается вывод о синкретической природе рельефных изображений, сочетавших местные, восточные и греческие художественные черты.

Ключевые слова: Ахемениды, династы, Ликия, рельефы, столбовые могильники.

Для цитирования: Баранов Д.А. 2021. Рельефные изображения «столбовых могильников» архаической Ликии: проблема стилистического анализа и семантической интерпретации. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 521–535. DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-521-535.

Relief images of the archaic Lycian «pillar tombs»: the problem of stylistic analysis and semantic interpretation

Dmitry A. Baranov

Airforce Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Voronezh),
54a Staryh Bol'shevikov St., Voronezh, 394064, Russia
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Abstract. The article examines the earliest burial monuments of the archaic Lycian kings. Particular attention is paid to the transition from kurgan to pillar burials, which took place immediately after the conquest of Lycia by the Persian army in the middle of the VI century BC. The Lycian kings tried to display the main landmarks of political biography, visualizing them through funeral reliefs. The main motives should be considered the scenes of the hunt, the palace audience, military victory and public celebration. The plot of «theriomachy» was required by the rulers of Lycia for a hint of a political connection with the Persian crown and their own legitimation as the first pro-Achaemenidean king. During the study of the historiography, was established a direct relationship between the genesis of a dynastic form of political power and the appearance of the first type of monumental burial grounds. Comparative analysis of Lycian funerary reliefs demonstrates syncretism of Anatolian, Greek and Persian visual elements.

Keywords: Achaemenids, dynasts, funerary reliefs, Lycia, pillar tombs.

For citation: Baranov D.A. 2021. Relief images of the archaic Lycian «pillar tombs»: the problem of stylistic analysis and semantic interpretation. *Via in tempore. History and political science*, 48 (3): 521–535 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-3-521-535.

*Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.
Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться.*
(«Илиада». XII, 315–325, пер. Н.И. Гнедича)

Введение

В середине VI в. до н. э. происходит стремительный захват юго-западной части Малой Азии персами. Войско под предводительством Гарпага вторгается в Ликию (ок. 545 г. до н. э.), разгромив незначительные контингенты ликийских воинов (Hdt., I, 176, 1: ἐπεξίόντες καὶ μαχόμενοι ὀλίγοι πρὸς πολλοὺς ἀρετᾶς ἀπεδείκνυντο), персы успешно осаждают Ксанф и включают страну в состав приморской области империи Ахеменидов (Hdt., I, 177.1; III, 90) [Jacobs, 1994, p. 136–138; Keen, 1998, p. 39; Seyer, 2019, p. 217]. Учитывая то обстоятельство, что мы ничего не знаем о политических лидерах ликийцев, правомерно будет выдвинуть предположение об установлении власти зависимой от Персии династии, представленной членами местной аристократии, правившей крупнейшими городами региона на протяжении полутора столетий [Zimmermann, 1992, S. 10–27; Behrwald, 2000, S. 10–22; Gyga, 2001, S. 68–92]. Так называемое «династическое время» заканчивается в правление Перикла Лимирского, принявшего участие в «Великом восстании сатрапов» [Bryce, 1986, p. 111–114; Kolb, Kurke, 1992, S. 15; Keen, 1998, p. 154–170].

Результаты и их обсуждение

Представления Гомера о царях и аристократах Ликии (II, VI, 172–173: ἀναξ Λυκίης; XII, 318–320: ἡμέτεροι βασιλῆες; XVI, 495: πρῶτα μὲν ὄτρυνον Λυκίων ἡγήτορας ἄνδρας; 496: Σαρπηδόνοσ ἀμφιάχεσθαι), описание яростного сражения за Ксанф (Hdt., I, 176, 1–2) и ремарки «отца истории», касающиеся длительной независимости страны от соседней Лидии (Hdt., I, 28), указывают на наличие автохтонных политических институтов власти в доперсидское время [Bryce, 1986, p. 101; Jacobs, 1987, S. 27–29; Zimmermann, 1992, S. 21; Keen, 1998, p. 76–82]. Фактически практика оставлять завоеванные регионы под контролем местных властителей полностью соответствует персидским обычаям. Ахемениды оставляли под прямым административным управлением стратегически важные регионы (Египет, Вавилония), перенимая титулатуру местных правителей, не устанавливая режим личной власти [Tuplin, 1987, p. 111; Dandamaev, 1989, p. 55]. Представители истеблишмента менее значимых и периферийных регионов назначались царями-клиентами. Ксенофонт сообщает о подобной практике (Xen. Cyr., VII. 4. 1–3; VIII. 6. 8) применительно к Кипру и Киликии [Briant, 1996, p. 75–76]. Аристотель упоминает, что управлявшие частями империи «стратеги, сатрапы и цари – все рабы великого царя» (Arist., De mundo., 398a: διειλήφεσαν κατὰ ἔθνη στρατηγοὶ καὶ σατράπαι καὶ βασιλεῖς, δούλοι τοῦ μεγάλου βασιλέως).

Гипотеза о том, что Ксанф уже управлялся местным правящим домом, существовавшим здесь задолго до персидского завоевания, подтверждается археологическими данными. Раскопки французских археологов в Ксанфе выявили три значительных строения на акрополе города, распознанных в качестве «резиденции правителя» [Metzger, 1963, p. 16–19]. Недавние публикации итогов работы многолетней турецкой археологической миссии на холме Тепечик в Патаре демонстрируют укрепленное общественное здание, напоминающее административный центр и располагающее всеми признаками классического дворца (наличие «тронного зала» или «зала собраний», хранилища запасов, системы покоев). Ранние слои дворца «патарских владык» восходят к начальному этапу архаики и демонстрируют наличие керамики данного периода [Işın, 2010]. Новые данные археологии

приоткрывают дверь в мир раннединастической Ликии, прямо указывая на наличие длительных традиций луво-ликийской политико-административной практики.

Ещё одним важнейшим маркером, определяющим социально-политический и культурный облик властной элиты Ликии архаического времени, был факт одновременного с персидским завоеванием появления «столбовых могильников» местных правителей и представителей их ближайшего окружения [Deltour-Levie, 1982; Marksteiner 2002, S. 219–225; Hoff, 2017, S. 506]. К этому времени перестают появляться курганные погребения (тумулусы), встречающиеся крайне часто вплоть до рубежа VII–VI вв. до н. э. [Hülden, 2011]. «Столбовая гробница» представляла собой прямоугольную каменную стелу, верхняя часть которой содержала вырезанную полость для сосуда с прахом погребённого. Столб размещался на ровном массивном основании или ступенчатом цоколе. В некоторых случаях внешняя сторона могильной камеры украшалась рельефными изображениями, демонстрировавшими деяния умершего. Столбовые могильники, снабженные рельефами и надписями («Стела надписей»⁴), представляют особый интерес, поскольку позволяют дать некоторую интерпретацию содержания нюансов семантики политических и семейно-бытовых особенностей жизни династов середины VI–IV вв. до н. э.

Уже у Гомера присутствует некоторый дуализм погребального обряда ликийских правителей. Описывая погребение Сарпедона, поэт дважды упоминает «могилу и памятный столп» (II, XVI, 457; 675: τὸ μῦθον τε στήλην), что может подразумевать курганный могильник и установку стелы. Квинт Смирнский отмечает, что на могиле ликийского героя Главка был установлен большой камень (Quintus Smyrn., Posthomerica, IV, 1–12). С исчезновением тумулусных могильников (начиная с середины VI в. до н. э.) в Ликии получает широкое распространение обряд трупосожжения правителей и установки погребальных столбов-стел [Demargne, 1958; Kjeldsen, Zahle, 1976, p. 44; Zahle, 1980, p. 38; Deltour-Levie, 1982, p. 205; Zimmermann, 1992, S. 17–19; Buschmann, 1993, S. 432; Kolb, 1996, S. 69]. Раннее происхождение столбовых погребений предопределило отсутствие надписей и конкретного термина для их обозначения. Ликийские надписи классического времени различают погребения-стелы⁵ и более поздние саркофаги, первоначально ассоциировавшиеся с термином «tezi» («саркофаг Эрббины» (?))⁶, но этим же термином назывались и скальные гробницы⁷ [Keen, 1998, p. 9; Seyer, 2019b, p. 256]. Наиболее встречаемым термином «χουρα» («tomb, (Fels)grab») обозначено подавляющее большинство скальных захоронений на востоке страны (преимущественно в Лимире). Он встречается в погребальных надписях вплоть до Тельмесса на западе, хотя и не использовался для обозначения каких-либо отдельно стоящих захоронений [Melchert, 2004, p. 86; Neumann, 2007, S. 140; Seyer, 2019b, p. 256–257]. В подавляющем большинстве случаев (21 из 28 упоминаний) термином «prīnawa» (не встречается в Лимире) обозначались скальные гробницы «домового типа» («mausoleum, (grave)house») [Melchert, 2004, p. 51; Neumann, 2007, S. 283; Seyer, 2019b, p. 258]. Термин «ñtata», который применялся к разнообразному типу гробниц, имеет отчётливую греческую параллель в билингвистической надписи из Кармилесса⁸, что указывает на общее обозначение им «места захоронения» [Melchert, 2004, p. 45; Neumann, 2007, S. 247; Seyer, 2019b, p. 265]. Помимо уже упомянутого заимствования из греческого⁹, имеется и термин «arawazija» (от хетто-лувийской основы «aru – высокий (памятник)») ¹⁰, которым могли называться столбовые захоронения [Neumann, 2007, S. 19].

⁴ Tituli Asiae Minoris I, 44a–d.

⁵ Там же, I, 44a, 1: stta][[ā: me]nad[ē.

⁶ Там же, I 44a, 25: erbinahe: tezi.

⁷ Там же, I, 88: ñtapa tezi.

⁸ Там же, I, 6, 4: μνῆμα.

⁹ Там же, I, 44a, 25; b 21: στήλην.

¹⁰ Там же, I, 44a, 25: arawazijede kupri[leh.

Изначально захоронения в столбовых могильниках представляли собой исключительную собственность правящего класса, но с течением времени они были адаптированы для более широкой группы представителей аристократической элиты Ликии [Seyer, 2019, p. 220]. Таковыми были позднейшие столбовые могильники в Лимире и Хойране, демонстрирующие перенесение визуального акцента рельефов на лицевой фасад, что объяснимо резким ростом влияния греческих художественных форм в конце IV в. до н. э. [Deltour-Levie, 1982, p. 41–49; Marksteiner, 2002, S. 225]. Кроме того, эти памятники маркируют верхнюю хронологическую границу существования столбовых могильников, намекая на их распространённость в среде ликийской аристократии много позднее завершения династического периода (VI – второй четверти IV вв. до н. э.) [Seyer, 2003, S. 220–223].

Архитектурные предшественники столбовых могильников неизвестны. Исходя из отрывка «Илиады», описывающего захоронение Сарпедона, можно предположить сочетание курганных тумулусов и столбовых захоронений (царских стел) уже в VII в. до н. э. Логично предположить, что рассматриваемый тип гробниц, судя по всему, был уникален и ограничен исключительно культурным ландшафтом Ликии [Rodenwaldt, 1933, S. 1029; Deltour-Levie, 1982, p. 200; Işık, 2001, S. 123–126; Işkan, 2005, S. 127–128]. Очевидно и то, что наибольшего распространения этот тип царского захоронения достигает в период, последовавший сразу после персидского завоевания страны [Marksteiner, 2002, S. 232–233]. Нижняя хронологическая граница датировки наиболее древней группы «столбовых могильников» крайне условна и варьируется между второй половиной VII – серединой VI вв. до н. э.

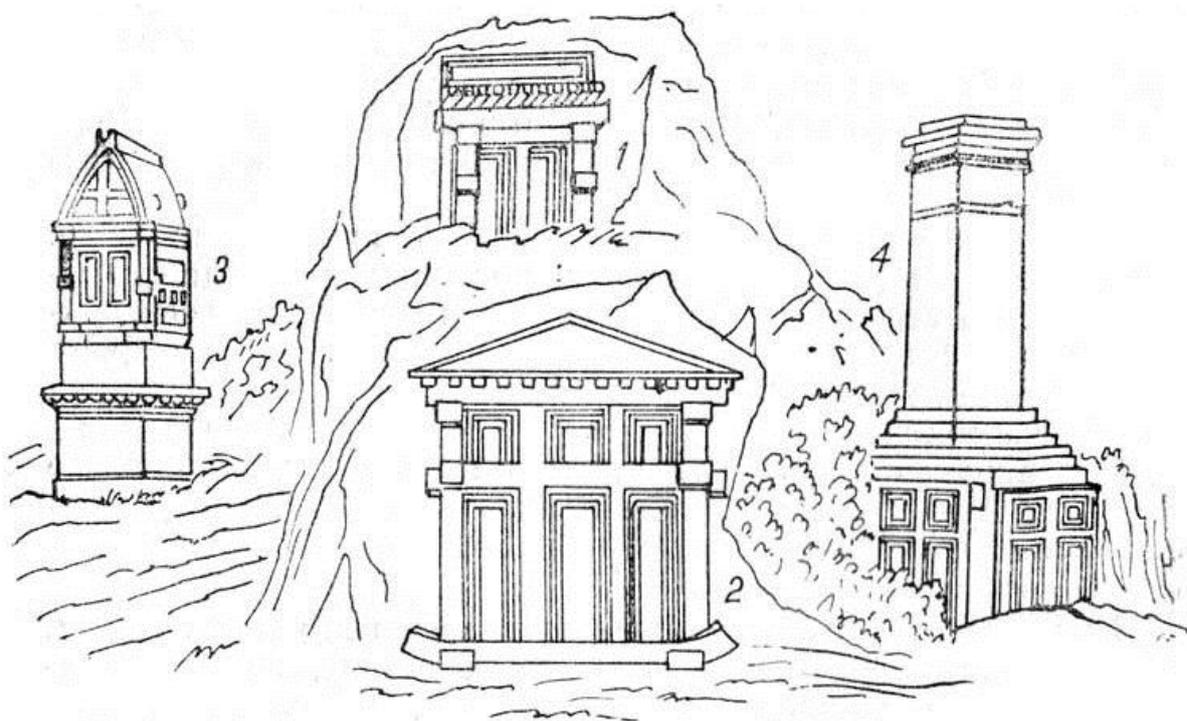

Рис. 1. Типы ликийских погребений: 1 – скальная гробница; 2 – «храмовая» гробница; 3 – саркофаг (кенотаф); 4 – столбовой могильник
Fig. 1. Types of Lycian tombs: 1 – rock-cut tomb; 2 – «temple» tomb; 3 – sarcophagus (cenotaph); 4 – pillar tomb

В целом шесть «столбовых могильников» (преимущественно в западной и центральной части страны) считаются самыми ранними представителями этого типа гробниц. В эту группу входят: «Львиная могила» и «Рельеф борцов» из Ксанфа с некоторыми дополнительными элементами рельефов несохранившихся могильников (Стамбульский ар-

хеологический музей инв. № 1450, 2301), могильники из Трисы и Гюрсес, «столбовой могильник 1» из Исинды и «столбовой могильник 2» из Тюсе, а также «столбовой могильник 3» из Асаралты (Хаджиоглан) [Akurgal, 1941, S. 93–94; Demargne, 1958, p. 33–35; Deltour-Levie, 1982, p. 113; Rudolph, 2003, S. 54–55; Cavalier, 2006, p. 335–343; Draycott, 2007, p. 107–114; Rannou, 2009; Hoff, 2017, S. 45–56]. Крайне дискуссионными остаются все попытки обосновать точную хронологию появления этих гробниц. Сказывается малочисленность рельефных изображений, сличаемых с образцами из анатолийского, ближневосточного и греческого культурных ареалов [Marksteiner, 2002, S. 236–237; Hoff, 2017, S. 38–45]. Отметим, что уточнение датировки погребальных памятников эпохи архаики позволило бы установить время и источники возникновения местной династической системы, определив степень персидского политического влияния [Marksteiner, 2005, S. 212–213; Seyer, 2019, p. 222–223].

Иконографическая программа «столбовых могильников» в большинстве случаев демонстрирует некоторое единообразие и системность [Marksteiner, 2002, S. 146]. Поэтому неудивительно, что множество погребальных рельефов, таких как изображения воинов и охотников, сцены битв и аудиенций, а также сцены из палестры указывают на аристократические достоинства заказчика гробницы. Хотя большинство мотивов широко распространено в погребальном искусстве Анатолии, тем не менее нетрудно заметить, что некоторые рельефы несут отчетливый след региональной художественной специфики. Среди таковых следует выделить мотив воинского триумфа («взятие щита» или «триумф щита»), в котором торжествующий победитель (возможно, сам правитель) поднимает над головой щит поверженного противника (или нескольких врагов) [Marksteiner, 2002, S. 253–256]. Подобный мотив изображён на столбе из Исинды (рис. 2) и «Львиной могиле» в Ксанфе (рис. 3), не имея аналогов в архаический и классический период за пределами Ликии, но был распространён в местной погребальной иконографии вплоть до рубежа V–IV вв. до н. э., украшая «Саркофаг танцоров» [Zahle, 1979, S. 328; Bruns-Özgan, 1987, S. 285–286] и «Столб надписей» из Ксанфа (единственный могильник с идентифицированным заказчиком в лице династов Горгиса или Керей) [Akurgal, 1941, S. 64; Demargne, 1958, p. 79–105; Zahle, 1979, S. 326; Bruns-Özgan, 1987, S. 290]. Иконографический мотив захвата щита у поверженного противника редко встречается за пределами Ликии [Bruns-Özgan, 1987, s. 232–235; Marksteiner, 2002, S. 253–254].

Триумфальный воин со вскинутым щитом и вовсе кажется уникальным для данного региона. Представляется, что скальная гробница в Глосе раскрывает подробности значения данного сюжета, изображая различные этапы сражения с захватом щита из рук поверженного противника и триумфальным поднятием его над головой, символизируя окончательную победу в противоборстве [Benda-Weber, 2005; Seyer, 2019, p. 226]. На то, что династы пытались визуализировать реальное историческое событие, недвусмысленно указывает текст «Столба надписей» (пространная хроника правления Горгиса/Кериги или Керей). Рельеф демонстрирует нам владельца могильника, вырывающего из рук поверженного врага щит, а за ним представлены шесть щитов других воинов, ставших трофеями победителя. Текст греческой эпитафии на северной грани столба содержит ссылку на победу над семью аркадийскими гоплитами, одержанную династом в течение одного дня¹¹. Таким образом, этим рельефом своего погребения владелец указывает на эпизод одного из самых важных военных предприятий времени его правления. Речь может идти о походе ликийцев в составе войска сатрапа Тиссаферна против карийского мятежника Аморга¹², сражении с аркадийскими наёмниками (Thuc., III, 34, 2–3; VII, 28, 3–4) и подписании третьего соглашения с ла-

¹¹ Supplementum Epigraphicum Graecum XLII, 1245, 10: ἐπὶ δὲ ὀπίτας κτεῖνεν ἐν ἡμέραι Ἄρκάδας ἄνδρας.

¹² Tituli Asiae Minoris I, 44a, 55: Humrkkä.

кедемонянами, упомянутых ликийской надписью и Фукидидом¹³ [Demargne, 1958, p. 88; Asheri, 1983, p. 85–105; Bryce, 1986, p. 97–98; Jacobs, 1987, S. 59–60; Zhuber-Okrog, 1990, S. 225–226; Gygaх, Tietz, 2005].

Специфически ликийским следует считать и сюжет с противостоянием двух борцов на столбовых могильниках из Ксанфа и Исинды (рис. 2). Изображения борьбы и бокса имеют давнюю традицию в ближневосточном и египетском искусстве, а также известны в греческом искусстве со времени геометрического периода [Marksteiner, 2002, S. 264–266; Hoff, 2017, S. 209–214]. Династ «Столба надписей», перечисляя свои деяния и заслуги, также превозносит собственное превосходство над молодёжью своего времени в навыках борьбы¹⁴ [Bryce, 1986, p. 97]. Весьма вероятно, что графические изображения на архаических «столбовых могильниках» и содержание стихотворной эпиграммы на «Столбе надписей» следует понимать как вербализацию и визуализацию достоинств погребённого или иллюстрацию похоронных игр, имеющую очень давнюю традицию [Akurgal, 1941, S. 96; Demargne, 1958, p. 52; Rannou, 2009, p. 470].

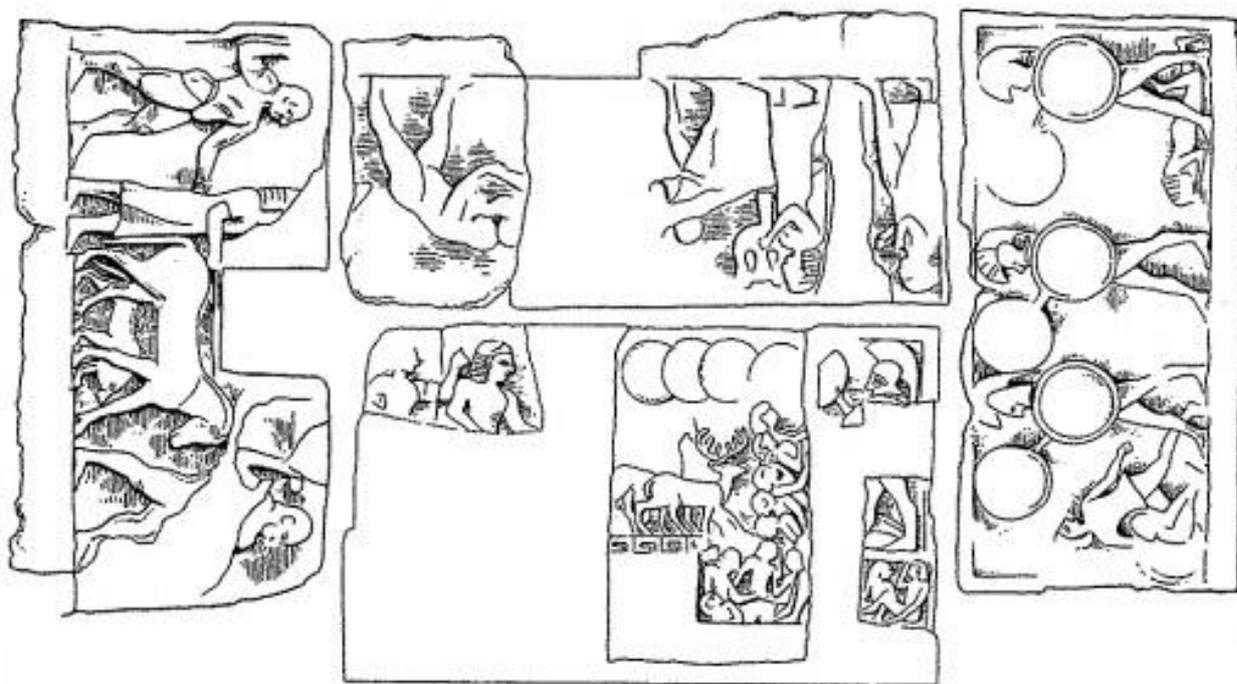

Рис. 2. Рельефные изображения столбового могильника Исинды
Fig. 2. Relief images of Isinda's pillar tomb

По мнению Кэтрин Дрейкотт, анализируемые сцены, напротив, должны в гораздо большей степени отражать богатство и могущество владельца гробницы, нежели его физические качества. Исходя из ее интерпретации, династ старался показать себя действительным или потенциальным спонсором крупномасштабных агонистических торжеств [Draycott, 2007, p. 116–117]. Поскольку сюжет с одновременным появлением музыкантов и спортсменов не имеет аналогов в репертуаре греческих репрезентаций, его можно рассматривать как чисто ликийский элемент [Seyer, 2019, p. 229].

Изобразительная программа архаических гробниц столбового типа, за исключением нескольких региональных особенностей, относительно единообразна и преимущественно включает рельефы, иллюстрирующие прижизненные аристократические достоинства владельца гробницы. Тем не менее «Львиная могила» в Ксанфе, по крайней мере, ча-

¹³ Thuc., VIII, 58; Tituli Asiae Minoris I, 44b, 1–16.

¹⁴ Там же, 1245, 5–6: ἀριστεύσας τὰ ἅπαντα [χε]ρσὶ πάλην Λυκίων τῶν τότε ἐν ἡλικίαι.

стично отличается от других, поскольку графическая программа её рельефов в гораздо большей степени пронизана синкретизмом ликийских, восточных и греческих элементов (рис. 3).

Рис. 3. Рельефные изображения «Львиной могилы»

Fig. 3. Relief images of the «Lion Tomb»

Могильник был обнаружен первой экспедицией Чарльза Феллоуза в 1838 г., а затем вновь открыт французской археологической миссией, но первоначальное место его установки осталось неизвестным. Стилистические особенности рельефных изображений позволили исследователям считать его самым ранним могильником столбового типа, что имеет решающее значение для определения происхождения и содержания рельефных изображений всей группы «столбовых могильников» архаического и классического времени [Fellows, 1852, p. 168; Akurgal, 1941, S. 1–51; Demargne, 1958, p. 29–33; Deltour-Levie, 1982, p. 157–159; Jacobs, 1987, S. 29; Marksteiner, 2002, S. 220–233; des Courtils, 2003, p. 105; İşkan, 2005, S. 127; Kolb, 2008, S. 57; Rannou, 2009, p. 473; Seyer, 2019, p. 223–230].

С северной стороны сохранилась только левая часть изображения, разделенного на два графических поля. Здесь изображен воин в коринфском шлеме, триумфально поднимающий щит поверженного противника. Позади него изображен движущийся вправо всадник, преследуемый меньшей мужской фигурой. Образ не сохранившегося правого регистра был гипотетически реконструирован Экремом Акургалом как сцена единоборства [Akurgal, 1941, S. 32]. Если интерпретировать и торжествующую фигуру, и всадника как владельца гробницы, а меньшую фигуру – в качестве сопровождающего, то в нашем распоряжении имеются сцены «триумфа в битве» и «победного возвращения домой», которые лишь косвенно связаны по содержанию [Marksteiner, 2002, S. 237].

На южной стороне погребальной камеры полностью сохранился лишь правый регистр, демонстрирующий сцену сражения обнаженного мужчины со львом и часть фигуры

на троне в левом регистре (возможно, владельца могильника). На восточной стороне изображен лев, терзающий газель или быка, голова которого проступает и на южной стороне монумента. Западная часть ансамбля рельефов демонстрирует львицу с потомством [Smith, 1892, p. 47]. Сюжеты терзания и единоборства со львом крайне существенны; занимая половину рельефной композиции погребения, они демонстрируют симметричный параллелизм и движутся с севера на юг [Hölscher, 1972, S. 14–23; Seyer, 2019, p. 231]. Зеркальное и сонаправленное отображение художественного мотива не представляется уникальным для архаической Ликии, встречаясь, например, на обеих сторонах героона Перикла Лимирского, а также в ряде рельефных композиций ликийских саркофагов классического периода [Borchhardt, 1976, S. 76–80]. Герхард Роденвальд убедительно доказал, что удвоение художественной композиции и наличие параллелизма в характере изображения выполняет репрезентативно-декоративную функцию, а вовсе не является результатом недостатка воображения художника [Rodenwaldt, 1933, S. 1051]. Лежащие львы сопровождают статую династа, установленную на более позднем «Столбе надписей» [Gygaх, Tietz, 2005, p. 90–92]. Художественный параллелизм часто встречается в оформлении дворцов Персеполя и на изображениях политических успехов Салманасара III, украшающих пьедестал его трона [Moortgat, 1967, S. 141–143]. Юрген Борхардт определял совокупное повторение одних и тех же рельефов в качестве стилистической уловки придворного искусства, представляющей интеграцией ассирийской художественной традиции в мидо-персидское дворцовое убранство [Borchhardt, 1976, S. 78].

Сюжеты «ταυροφόρος λέων» получили широкое распространение не только в образцах восточного искусства [Hölscher, 1972], но также глубоко укоренились в литературе (Hom., II., XV, 630–636: λέων ὀλοόφρων; XVII, 541–542: λέων κατὰ ταῦρον ἔδοδεώς; XVIII, 579–584) и архаической скульптуре Афин и остальной Греции вплоть до походов Дария и Ксеркса. Уже Гомер, описывая сцену гибели ликийского царя Сарпедона, сравнивает его с «пламенным быком, гибнущим под зубами могучего зверя» (II., XVI, 487). Поразительно, что этот мотив полностью исчезает после 490 г. до н. э. из репертуара аттической скульптуры. В связи с этим Г. Марко выдвинул справедливое предположение о нежелательной ассоциации данного сюжета с восточной монархией, что табуировало его вплоть до начала IV в. до н. э. [Markoe, 1989, p. 109]. Надпись памятника Кратеру в Дельфах аллегорически указывает на Дария III, сравнивает его с хищным львом, подчёркивая важность победы при Гавгамелах [Seyer, 2007, S. 143–164].

Смысловая нагрузка топоса сцен «терзаний львом быка» и степень их распространённости (на печатях, монетах и памятниках погребального искусства) в западных провинциях империи Ахеменидов убедительно свидетельствуют в пользу понимания этого сюжета в качестве символа царской власти (и особенно в пределах Анатолийского региона) [Porada, Dyson, Wilkinsin, 1962, S. 156; Cassin, 1981; Seyer, 2007, S. 35–42; Hoff, 2017, S. 273–277]. Лев, а также борьба между львом и быком использовались в качестве царской эмблемы в искусстве лидийских правителей [Hanfmann, 1983, p. 95]. Примечательно, что этот мотив был принят в ранней чеканке Креза и на некоторых лидийских печатях [Dusinberre, 2010, p. 185; Kroll, 2010, p. 148]. Исключительное значение, вкладывавшееся в данную визуальную тему для саморепрезентации правящего дома Ахеменидов, можно вывести из того факта, что этот художественный мотив украшал фасады лестниц всех важных административных зданий и дворцов Персеполя [Seyer, 2019, S. 236]. Это обстоятельство подтолкнуло Г. Марко к трактовке сюжета в качестве «династического маркера» или «имперского герба», в то время как Маргарет Рут сочла его «знаком царского достоинства и символом власти» [Root, 1979, p. 236; Markoe, 1989, p. 104]. Рассуждая о смысловой нагрузке сцены противостояния обнажённого воина и льва (на южной стороне «Львиной могилы»), Мартин Сейер небезосновательно усматривает в нем символ тесной связи правителя Ксанфа с персидскими монархами, что может указывать на происхождение его династии, установившей свою власть над западом страны сразу после персидского наше-

ствия [Seyer, 2019, p. 234]. Следуя концепции «господствующего этно-класса» («dominant ethno-class»), сформулированной Маргарет Миллер, правомерно предположить, что ликийская элита старалась маркировать свою лояльность и особое положение в имперской социально-политической структуре через подражание художественной стилистике памятников имперской «династической пропаганды» центральных провинций [Miller, 2011, p. 120].

Сцена териомахии на южной стороне памятника появляется в Ксанфе на несколько десятилетий раньше персепольских вариаций рельефов, демонстрирующих единоборство со львом Дария и Ксеркса (рис. 4) [Fellows, 1852, p. 449; Akurgal, 1941, S. 107; Seyer, 2007, S. 45]. Это навело Г. Роденвальда на мысли о более раннем источнике данного сюжета, несмотря на его явные стилистические сходства со столичными аналогами [Rodenwaldt, 1933, S. 1028–1030]. Э. Акургал считал, что греческая изобразительная традиция оказала существенное влияние на ликийский вариант изображения. Им были замечены два обстоятельства, не характерные для стилистики восточных аналогов. Следуя традиции Г. Роденвальда, Э. Акургал видел корень стилистических различий в том факте, что у греческих художников не было опыта в воспроизведении восточных мотивов, а это вынуждало их делать адаптацию в греческой манере [Akurgal, 1941, S. 19–22]. Во-первых, когти левой лапы льва соприкасаются с подбородком его противника. Э. Акургал считал этот жест характерным для сцен кентавромахии в греческом искусстве, истолковывая его как мольбу о милосердии [Akurgal, 1941, S. 23–24]. Во-вторых, голова льва была изображена спереди, что крайне нехарактерно для восточных вариаций сцен териомахии и должно было подчеркивать апотропеическое значение животного [Akurgal, 1941, S. 43–51].

Мартин Сейер не принял точку зрения Э. Акургала, сочтя ее излишне эллиоцентричной, несмотря на некоторую поддержку в научной литературе [Hölscher, 1972, S. 16; Marksteiner, 2002, S. 249]. Ученый справедливо замечает, что расположение лап хищников на персидских и ликийских памятниках демонстрирует лишь несущественные отклонения. Фасадное расположение ликийского варианта сцены териомахии совпадает с местами расположения персидских вариаций, обрамлявших дверные проёмы и парадные ворота административных зданий и царских дворцов [Seyer, 2019, p. 237–239]. Сама фигура льва-завоевателя также стилистически повторяет восточные прототипы, представляя собой локальную модификацию модели доахеменидского периода [Rodenwaldt, 1933, S. 1029]. Исследователь небезосновательно полагает, что отсутствие сюжетов териомахии в иконографии рельефов более поздних столбовых могильников, равно как и трактовка «Львиной могилы» в качестве самого раннего образца подобных гробниц, намекают на то обстоятельство, что перед нами захоронение первого династа Ксанфа, получившего права на наместничество от персов. Сюжет териомахии требовался для намека на политическую связь с персидской короной и собственной легитимации в качестве первого ставленника Ахеменидов [Seyer, 2019, p. 233–235].

Следует заметить, что М. Сейер так и не сумел убедительно обосновать причину изображения львиной морды анфас. Обходит он вниманием и фигуру убийцы льва, не считая нужным пояснить изображение его нагим, что характерно для греческих, а вовсе не восточных художественных приёмов. Ш. Озюдогру склонен объяснять «мнимую наготу» героя «Львиной могилы» отсутствием несохранившейся до наших дней краски, которой были расписаны древние рельефы, что в данном случае маловероятно [Özüdoğru, 2013, S. 75]. Рассуждая о сценах терзания на восточной и западной стороне могильника, М. Сейер не уделяет должного внимания сходным сюжетам на плохо сохранившихся рельефах «столбового могильника 2» из Тюсе и аналогичного памятника из Трисы, где по меньшей мере три панели демонстрируют идентичные сцены с лежащим и бросающимся львом или львицей [Marksteiner, 2002, S. 223; Seyer, 2019, p. 233].

Рис. 4. Южный рельеф «Львиной могилы» (слева) и дворцовый рельеф Персеполя (справа)
Fig. 4. Southern relief of the «Lion's Tomb» (left) and the Persepolis palace relief (right)

Рельефы, различным образом изображающие львиные фигуры, получили повсеместное распространение в Восточном Средиземноморье с середины VIII в. до н. э. Резкое расширение популяции этих животных и повсеместная охота на них в данный период известны нам по изображениям многочисленных оттисков печатей ассирийских правителей и рельефам Куянджикского дворца царя Ашшурбанапала, а также некоторым из его хвалебных надписей [Farkas, 1974, p. 55]. Примечательно, что терзающий быка лев изображён на росписи ликийского курганного могильника из Элмалы (Карабурун) [Mellink, 1998, p. 37–38]. Сюжет интегрирован в сцену охоты и датирован М. Дж. Меллинком третьей четвертью VI в. до н. э. [Mellink, 1998, p. 55]. Известны и архаические рельефы с изображением льва из Ксанфа [des Courtils, 1995]. Последнее обстоятельство может указывать на вероятность доперсидского появления «львиных сюжетов» в Ликии.

Изобразительная программа ликийских «столбовых могильников» архаического времени представляла собой символическое выражение *res gestae* владельца погребения, апеллирующее к художественному комплексу восточных прототипов в их синкретической связи с греческими и местными изобразительными формами [Akurgal, 1941, S. 43; Hölscher 1972, S. 18; Marksteiner, 2002, S. 288]. К. Дрейкотт справедливо выделила четыре группы сцен, в равной степени характерных для большинства образцов рассматриваемых рельефных изображений: «богатство двора» («private wealth»), «доблесть правителя» («ruler representations»), «общественная помпа» («public expenditure / public pompe») и «львиные мотивы» («lions / felines») [Draycott, 2010, p. 215–218]. Первая группа обозначена в качестве демонстрации богатства династа, способного устраивать пышные агонистические фестивали с выступлением музыкантов, танцоров и атлетов. Повторимся, что дан-

ный сюжет мог быть и визуализацией личного участия правителя в атлетических соревнованиях. Вторая группа сюжетов нацелена на прославление доблести правителя на войне и охоте, что соответствует характерному выделению личных качеств династов Геггиса и Эрббинны в посвячительных надписях рубежа V–IV вв. до н. э.

В стихотворении, посвящённом богине Лето, Симмах Пелланский отмечает, что династ Эрббина выделялся не только своей мудростью, но и отличался доблестью, владением луком и навыками верховой езды¹⁵ [Herrenschmidt, 1985, p. 126]. Страбон, следуя традиции Онесикрита, упоминает сходную надпись на погребении Дария: «Я был другом моим друзьям; я был самым искусным наездником, стрелком из лука и лучшим охотником; я мог совершить все!» (Strab., XV, 3, 8; FGrHist 134, F 35) [Schürr, 2010, S. 160]. Образцом для подобного перечня благочестий ликийских царей могла послужить надпись Дария из Накш-и-Рустам, где царь похваляется навыками владения луком, копьем и мастерством верховой езды (DNb., 32–45) [Herrenschmidt, 1985, p. 134].

Отдельные сцены рельефов погребальных камер подчинены особой сюжетной тектонике, заданной прямой взаимосвязью и единой пространственной направленностью рельефов, объединенных целостной нитью повествования. Лучше всего эта особенность демонстрируется рельефами могильника из Исинды (см. рис. 2). Сюжет триумфальных воинов из армии правителя Исинды, вскидывающих щиты поверженных ими врагов, является зеркальным отображением сюжета с изображением погонщиков и слуг, сопровождающих династа на охоте. Эти сцены динамичны и следуют в одном направлении, сходясь в центральном рельефе, демонстрирующем превосходные воинские и охотничьи заслуги самого правителя [Marksteiner, 2002, S. 288–289]. Фигуры восьми поверженных им воинов и убитых оленей сброшены к ногам династа, завершая героическое повествование. В этом контексте рельеф, запечатлевший борцов и музыкантов, играет роль безмолвного музыкального сопровождения, задающего темп и приводящего в круговое циклическое движение всю композицию. Эта «музыка боя» представляется «написанной в камне визуальной поэмой», погребальным торжеством и воспоминанием о прижизненных делах правителя. Поздние династы имели возможность использовать свои погребения в качестве стел с текстовым повествованием. Владелец «Стелы надписей» похваляется прекрасными делами¹⁶, перечисленными в ликийской части надписи рефреном через характерный термин *hātahe* («*hertlich*» в переводе Д. Шюрра) [Schürr, 2010, S. 174]. Отсутствие письменности в период поздней архаики вынуждало династов визуализировать свои заслуги, выстраивая круговой сюжет рельефов могильника подобно повествованию греческой вазопищи, «окружавшей» сосуд с прахом «главного героя».

Применительно к «Львиной могиле» лишь Г. Марко отметил возможную сюжетную связь сцены терзания на восточной стороне монумента со сценой батального триумфа южного рельефа. Заметим, что воин, вскидывающий щит в победном жесте (южный рельеф), представляется нам зеркальным отображением героя, одерживающего победу над львом (северный рельеф). Нам видится, что сцена териомахии несёт на себе глубокий отпечаток греческого художественного влияния [Marksteiner, 2002, S. 264], оставаясь типично ближневосточным сюжетом, репрезентирующим правителя в облике мифического героя, подобного Гильгамешу или Гераклу, что вполне сочетается с отождествлениями в поздних надписях¹⁷. Таким образом, весь сохранившийся южный регистр, восточный рельеф со сценой терзания и герой-победитель северной стороны включены в единый сюжет, демонстрирующий круговую динамику повествования с севера на юг, где он сходит-

¹⁵ Supplementum Epigraphicum Graecum XXXIX, 1414, 14–15: πάντα ἐν πᾶσι πρέπων ὄσατερ σοφοὶ ἄνδρες ἰ[σασιν], τοξοσύνη τε ἀρετῆι τε ἴπλων τε διώγματα εἰδ[ώς].

¹⁶ Supplementum Epigraphicum Graecum XLII, 1245, 12: καλλίστοις δ' ἔργοις.

¹⁷ Tituli Asiae Minoris I 44 a, 50: āka: herikle.

ся в единой точке фасадной части погребения с едва сохранившимся изображением фигуры на троне [Demargne, 1958, p. 31; Marksteiner, 2002, S. 266–269].

Некоторые исследователи трактовали фигуру на троне в качестве изображения божества или сцены поклонения мертвым, связывая этот рельеф с изображениями более позднего «Монумена Гарпий» [Akurgal, 1941, S. 30–31]. На наш взгляд более справедливым было бы понимание данного изображения в качестве сцены дворцовой аудиенции, символизирующей высокий административный статус погребённого, или сцену династической преемственности власти, логически связанную с изображением «львиного семейства» на восточном рельефе и несохранившимся правым регистром южной стороны погребальной камеры [Gabelmann, 1984, S. 37–38; Jacobs, 1987, S. 46; Marksteiner, 2002, S. 266–269]. Такое понимание расположения рельефов (циклическое изображение дворцовой жизни и военных заслуг) точно повторяло бы художественную задумку могильника из Исинды.

Выводы

«Столбовые могильники» представляли собой индивидуальные захоронения правителей, но устанавливались на самое видное место или в священное пространство темени на агоре города¹⁸, помещая погребённого в божественное окружение и подчёркивая его вклад в копилку политических благодеяний всего правящего семейства [Deltour-Levie, 1982, p. 194–195; Draycott, 2007, p. 105]. Автор «Стелы надписей» похвально тем, что его могильник был самым пышным, кропотливо перечисляя погребения предков вблизи него¹⁹ [Schürr, 2010, S. 172]. Эта же надпись указывает на сакральное значение столбовых могильников, выполнявших функцию священных «трофейонов»²⁰, возводимых в благодарность за божественную поддержку военных и иных деяний «павшего воина» [Borchhardt, 2015, S. 17–18]. Очевидно, что такими трофеями являлись щиты поверженных противников, изображавшиеся на рельефах и приносившиеся в жертву богам.

Со временем военно-политические акценты рельефных изображений уступают место художественному выражению коллективного концепта «правлящего семейства» и мотивам «дворцовой аудиенции» (что видно на примере «Монумена Гарпий»), символизирующих усиление роли политической преемственности власти, окончательное оформление династической формы правления и рост греческого культурного влияния.

Конкуренция между династическими центрами архаического времени (Ксанф на западе; Фелл, Триса, Тюсе и Исинда в центральной части страны) приводила к расширению власти и могущества отдельных династических семейств, что отразилось в увеличении размеров и пышности столбовых могильников, на смену которым пришли царские герооны объединителей страны («super-rulers» по Т. Залю) – Эрбины («Монумент Нерид») и Перикла Лимирского [Zahle, 1983, S. 107–111; Keen, 1998, p. 36; Аукаç, 2016, p. 26]. Их рельефные украшения воплощали логическое продолжение развития многих художественных приёмов, характерных для столбовых могильников (циклическое движение и зеркальное отображение сюжетов погребального рельефа), ставших первым типом монументальных захоронений и подлинным шедевром искусства ликийской архаики [Marksteiner, 2002, S. 233].

References

1. Akurgal E. 1941. Griechische Reliefs des VI. Jahrhunderts aus Lykien. Berlin, Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, 112.

¹⁸ Supplementum Epigraphicum Graecum XLII, 1245, 3: [δ]ώδεκα θεοῖς ἀγορᾶς ἐν καθαρῶι τεμένει.

¹⁹ Tituli Asiae Minoris I 44 a 24–.

²⁰ Supplementum Epigraphicum Graecum Там же, XLII, 1245, 11: Ζητὶ δὲ π(λ)εστα τροπαῖα β(ρ)ότων ἔ(σ)τ[η]σεν ἀπάν(τ)ων.

2. Asheri D. 1983. *Fra ellenismo e iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età achemenide*. Bologna, Patron, 191.
3. Aykaç P. 2016. *Patron's final manifestations: funerary architecture in Lycia. Mekânlar/Zamanlar/İnsanlar: Hamilik ve Mimarlık Tarihi*. Ankara, ODTÜ Basım İşliđi: 25–41.
4. Behrwald R. 2000. *Der Lykische Bund. Untersuchungen zu Geschichte und Verfassung*. Bonn, Habelt, 269.
5. Benda-Weber I. 2005. *Lykier und Karer: zwei autochthone Ethnien Kleinasiens zwischen Orient und Okzident*. Bonn, Habelt, 436.
6. Borchhardt J. 1976. *Die Bauskulptur des Heroons von Limyra. Das Grabmal des lykischen Königs Perikles*. Berlin, Art Stock Books Limited, 143.
7. Borchhardt J. 2015. «Die Gräben klagen, die Kanäle antworten ...». *Siedlungsstrukturen in Lykien*. In: *Turm und Tor. Siedlungsstrukturen in Lykien und benachbarten Kulturlandschaften. Akten des Gedenkkolloquiums für Thomas Marksteiner in Wien (Wien, November 2012)*. Wien, Österreichisches Archäologisches Institut: 9–80.
8. Briant P. 1996. *Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre*. Paris, Fayard, 1247.
9. Bruns-Özgan C. 1987. *Lykische Grabreliefs des 5. und 4. Jhs. v. Chr.* Tübingen, E. Wasmuth, 299.
10. Bryce T.R. 1986. *The Lycians I. The Lycians in literary and epigraphic sources*. Copenhagen, Museum Tusulanum Press, 273.
11. Buschmann K. 1993. *Hızırlık bei Fethiye: das altlykische Telebehi. Araştırma Sonuçları Toplantısı*, 10: 429–437.
12. Cassin E. 1981. *Le roi et le lion*. *Revue de l'Histoire des Religions*, 198 (4): 355–401.
13. Cavalier L. 2006. *Observations sur l'architecture de Xanthos à l'époque archaïque*. *Revue des études anciennes*, 108 (1): 327–354.
14. des Courtils J. 1995. *Un nouveau bas-relief archaïque de Xanthos*. *Revue archéologique*, 337–364.
15. des Courtils J. 2003. *Guide de Xanthos et du Létôon*. Istanbul, Ege Yayınları, 174.
16. Dandamaev M.A. 1989. *A political history of the Achaemenid Empire*. Leiden, New York & Köln, E.J. Brill, 373.
17. Deltour-Lévie C. 1982. *Les piliers funéraires de Lycie*. Louvain-la-Neuve, Publications d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Université catholique de Louvain. Vol. 33, 212.
18. Demargne P. 1958. *Fouilles de Xanthos I. Les piliers funéraires*, Paris, C. Klincksieck, 132.
19. Draycott C.M. 2007. *Dynastic definitions: differentiating status claims in the Archaic pillar tomb reliefs in Lycia*. *Anatolian Iron Ages 6. The proceedings of the Sixth Anatolian Iron Ages colloquium (Eskişehir, 16–19 August 2004)*. Leuven, Dudley, MA: Peeters: 103–134.
20. Dusinger E.R.M. 2010. *Lydo-Persian seals from Sardis. The Lydians and their world*. Istanbul, Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Kültür Varlıkları ve Müzeler Genel Müdürlüğü: 177–190.
21. Farkas A. 1974. *Achaemenid sculpture*. Istanbul, Peeters Publishers, 192.
22. Fellows C. 1852. *Travels and researches in Asia Minor, more particularly in the province of Lycia*. London, Murray, 510.
23. Gabelmann H. 1984. *Antike Audienz- und Tribunalszenen*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 232.
24. Gyğax M.D. 2001. *Untersuchungen zu den lykischen Gemeinwesen in klassischer und hellenistischer Zeit*. Bonn, Habelt, 257.
25. Gyğax M.D., Tietz W. 2005. «He Who of All Mankind Set up the Most Numerous Trophies to Zeus»: *The Inscribed Pillar of Xanthos Reconsidered*. *Anatolian studies*, 55: 89–98.
26. Hanfmann G.M.A. 1983. *Sardis from Prehistoric to Roman times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis, 1958–1975*. Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press, 512.
27. Herrenschmidt C. 1985. *Une lecture iranisante du poème de Symmachos dédié à Arbinas, dynaste de Xanthos*. *Revue des Études Anciennes*, 87 (1): 125–135.
28. Hoff C. 2017. *Identität und Politik. Kollektive kulturelle und politische Identität der Lykier bis zur Mitte des 4. Jahrhunderts v. Chr.* Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 658.

29. Hölscher F. 1972. Die Bedeutung archaischer Tierkampfbilder. Würzburg, Konrad Tritsch Verlag, 147.
30. Hülden O. 2011. Considerations on the tumuli of Lycia in the pre-Classical period. *Anatolia Antiqua*, 19: 495–514.
31. Işık F. 2001. Zur Entstehung der Pfeilergräber in Lykien. *Anatolia in daylight. Essays in honour of Cevdet Bayburtluoğlu*. Istanbul, Homer Kitabevi ve Yayıncılık Ltd.: 123–131.
32. Işın G. 2010. The building complex on the Tepecik acropolis at Patara. *Anatolian studies*, 60: 93–104.
33. İşkan H. 2005. Das Pfeilergrab von Arsada. In: Grabtypen und Totenkult im südwestlichen Kleinasien. Internationales Kolloquium in Antalya (Antalya, 4–8 Oktober 1999). Istanbul, Akdeniz Üniversitesi: 125–130.
34. Jacobs B. 1987. Griechische und persische Elemente in der Grabkunst Lykiens zur Zeit der Achämenidenherrschaft. *Jonsered, P. Åström*, 94.
35. Jacobs B. 1994. Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III. Wiesbaden, L. Reichert, 320.
36. Keen A.G. 1998. *Dynastic Lycia: A Political of History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers: C. 545–362 B. C.* Leiden, Brill, 268.
37. Kjeldsen K., Zahle J. 1976. A dynastic tomb in central Lycia. New evidence for the study of Lycian architecture and history in the Classical period. *Acta Archaeologica*, 47: 29–46.
38. Kolb F., Kupke B. 1992. *Geschichte Lykiens im Altertum*. Mainz, P. von Zabern, 80.
39. Kolb F. 1996. Überlegungen zur politischen Geographie Zentrallykiens in klassischer Zeit. *Fremde Zeiten. Festschrift für Jürgen Borchhardt zum sechzigsten Geburtstag am 25. Februar 1996 dargebracht von Kollegen, Schülern und Freunden*, vol. 1. Wien, Phoibos-Vlg: 65–78.
40. Kolb F. 2008. *Burg – Polis – Bischofssitz. Geschichte der Siedlungskammer von Kyaneiai in der Südwesttürkei*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 482.
41. Kroll J.H. 2010. The coins of Sardis. The Lydians and their world. Istanbul, YKY: 143–156.
42. Markoe G.E. 1989. The «lion attack» in Archaic Greek art: heroic triumph. *Classical Antiquity*, 8 (1): 86–115.
43. Marksteiner T. 2002. *Trysa – Eine zentrallykische Niederlassung im Wandel der Zeit. Siedlungs-, architektur- und kunstgeschichtliche Studien zur Kulturlandschaft Lykien*. Wien, Phoibos Verlag, 292.
44. Marksteiner T. 2005. Überlegungen zu den lykischen Pfeilergräbern der archaischen Periode. In: Grabtypen und Totenkult im südwestlichen Kleinasien. Internationales Kolloquium in Antalya (Antalya, 4–8. Oktober 1999). Antalya, Akdeniz Üniversitesi: 211–220.
45. Melchert C.H. 2004. *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor, Beech Stave Press, 134.
46. Mellink M.J. 1998. *Kızılbél. An Archaic painted tomb chamber in northern Lycia*. Philadelphia, University Museum, University of Pennsylvania for Bryn Mawr College, 94.
47. Metzger H. 1963. *Fouilles de Xanthos II. L'acropole lycienne*, Paris, Klincksieck, 110.
48. Miller M. 2011. «Manners Makyth Man»: Diacritical Drinking in Achaemenid Anatolia. *Cultural Identity in the ancient Mediterranean*. Los Angeles, Getty Research Institute: 97–134.
49. Moortgat A. 1967. *Die Kunst des Alten Mesopotamien. Die klassische Kunst Vorderasiens*. Köln, DuMont Reiseverlag, 252.
50. Neumann G. 2007. *Glossar des Lykischen*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 453.
51. Özüdoğru Ş. 2013. Arkaik Dönem'den bir Likya Dynast Mezarı üzerindeki aslan öldürme sahnesi anlamı ve kökeni üzerine değerlendirmeler. *Anadolu*, 39: 69–86.
52. Porada E., Dyson R., Wilkinson C. 1962. *Alt Iran. Die Kunst in vorislamischer Zeit*. Baden-Baden, Holle Verlag um, 286.
53. Rannou F. 2009. Image et société en Lycie au VIe siècle avant J.-C.: le pilier d'Isinda et son programme iconographique. *Revue des études anciennes*, 111 (2): 453–474.
54. Rodenwaldt G. 1933. Griechische Reliefs in Lykien. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse*, 27: 1028–1055.
55. Root M.C. 1979. The king and kingship in Achaemenid art. *Essays on the creation of an iconography of empire*. Leiden, Peeters Publishers, 357.

56. Rudolph C. 2003. Das «Harpynen-Monument» von Xanthos. Seine Bedeutung innerhalb der spätarchaischen Plastik. Oxford, BAR Publishing, 142.
57. Schürr D. 2010. Zum Agora-Pfeiler in Xanthos II: Selbstlob auf Perserart und Ordnung des Raumes. *Kadmos*, 48 (1–2): 157–176.
58. Seyer M. 2003. Ein Pfeilergrab mit Totenmahl-Darstellung aus Limyra. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts*, 1 (72): 207–226.
59. Seyer M. 2007. Der Herrscher als Jäger. Untersuchungen zur königlichen Jagd im persischen und makedonischen Reich des 6–4. Jahrhunderts v. Chr. Sowie unter den Diadochen Alexanders des Großen. Wien, Phoibos Verlag, 202.
60. Seyer M. 2019. Pillar Tombs and the Achaemenid Rule in Lycia. *Boreas*, 37: 217–247.
61. Seyer M. 2019b. Some Terms for Funerary Monuments of Lycia in the Classical Period 1: Sarcophagi. *Luwic dialects and Anatolian: Inheritance and diffusion*, 12: 251–265.
62. Smith A.H. 1892. A catalogue of sculpture in the Department of Greek and Roman antiquities, British Museum I. London, Printed by order of the Trustees, 420.
63. Tuplin C.J. 1987. The administration of the Achaemenid Empire. Coinage and administration in the Athenian and Persian empires. *The Ninth Oxford Symposium on Coinage and Money History*. Oxford, BAR Publishing: 109–166.
64. Zahle J. 1979. Lykische Felsgräber mit Reliefs aus dem 4. Jahrhundert v. Chr. Neue und alte Funde. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts Berlin*, 94: 245–346.
65. Zahle J. 1980. Lycian tombs and Lycian cities. In: *Actes du colloque sur la Lycie antique*. Paris, Libr. d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve: 37–49.
66. Zahle J. 1983. Arkæologiske studiere i lykiske klippgrave og ders reliefer fra c. 550–300 f.Kr. Sociale og religiøse aspekter. Copenhagen, Museum Tusulanum, 180.
67. Zhuber-Okrog K. 1990. Zeugnisse lykischer Dynasten. Götter, Heroen, Herrscher in Lykien. *Katalog zur Ausstellung auf der Schloss Schallaburg*. Wien, A. Schroll: 225–227.
68. Zimmermann M. 1992. Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens. Bonn, Habelt, 282.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Баранов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, г. Воронеж, Россия

Dmitry A. Baranov, candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Air Force Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin, Voronezh, Russia